

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу
Нгуен Тхи Тхыонг «Антропонимическая семантика в цикле рассказов
И.А. Бунина «Тёмные аллеи»: художественные функции и проблема
перевода», представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Несмотря на то, что интерес к собственным именам в литературных произведениях насчитывает уже несколько столетий, литературная ономастика не потеряла своей **актуальности** и сегодня. Свидетельство тому – обилие работ, посвященных проблемам литературной ономастики, опубликованных в последние годы. Но я уверена, что представленная к защите работа Нгуен Тхи Тхыонг не затеряется среди других ономастических трудов.

Усилия молодой вьетнамской исследовательницы направлены на решение загадки литературных антропонимов в «Темных аллеях» Ивана Бунина. С одной стороны, диссертантка ставит цель выявить авторскую интенцию при выборе имен для своих героев, с другой стороны (и это главное!), - определить функции конкретного имени в художественном пространстве бунинских новелл.

Подобная – функциональная - постановка проблемы представляется достаточно сложной для решения и отличается качеством **новизны**, поскольку в «функциональном» ракурсе антропонимическую семантику «Темных аллей» в полном объеме еще никто не рассматривал. Однако диссертантка еще и усложняет себе задачу: заключительную главу работы она посвящает проблеме перевода на вьетнамский язык одной из проанализированных ею в антропонимическом ключе новеллы.

На первый взгляд может показаться, что под одной обложкой соединены две разные темы. Но при внимательном рассмотрении становится понятной логика исследовательницы. Она исходит из идеи, что между теми функциями имени, которые соответствовали авторскому замыслу и теми, который предполагает отдаленный во времени интерпретатор текста, существуют расхождения, которые усиливаются при переводе текста на другой (в нашем случае - вьетнамский) язык, особенно если перевод выполняется не носителем русского языка. Возникает проблема идентичности имени и текста – и теоретическая, и практическая. Автор работы анализирует эту проблему и предлагает пути ее решения. Все вышесказанное свидетельствует о **научной злободневности** предложенной темы и **инновационном** подходе к ее аналитическому освещению.

Отметим достижения диссертантки.

Прежде всего, следует указать на весьма удачный выбор материала для исследования. Сборник «Темные аллеи» Бунин считал своим лучшим художественным творением. Но дело не только в этом, а, прежде всего, в том, что в нем есть довольно существенный ряд новелл, озаглавленный именами главных героинь: (« Степа», «Муза», «Руся», «Антигона», «Зойка и Валерия», «Таня», «Галя Ганская», «Генрих», «Натали»). Ведь следует еще учесть и антропонимические заголовки новелл, которые не вошли в каноническое издание сборника или имели в первоначальном варианте именные названия («Барышня Клара» и «Гость»), последняя из названных новелл в рукописи озаглавлена «Паша» — по имени героини, которая в окончательной редакции именуется Сашей).

То есть налицо определенная авторская интенция — ономастически выделять главную тему и смысловой центр своего произведения — через его именование. И эту интенцию безошибочно точно уловила Нгуен Тхи Тхыонг, сделав объектом и предметом своего анализа не просто антропонимы бунинских рассказов, но именно те женские антропонимы, которые послужили их заглавиями. Исследовательница справедливо полагает, что заглавие представляет собой своего рода «минитекст» (с.7), смысловую «свертку» произведения. А если это так, рассуждает Тхыонг, с опорой на работу А.Ф. Лосева «Философия имени» (с.11, 22, 45-46), то имя — может и должно воплощать сущность явления или лица, названное этим именем, и следовательно, коррелировать с его внешностью, характером, окружающей обстановкой и т.п.

Очень нетривиальная и изящная концепция! И самое главное, по мере развертывания ономастического анализа в первой и второй главе, убеждаешься в достоверности основных положений диссертации, крепкой доказательной базе, строгой научной логике соискателя, глубоком знании бунинских произведений и историко-литературных и теоретических источников, свободном владении литературоведческой терминологией, наиболее влиятельными на сегодняшний день ономастическими концепциями.

Используя метод медленного чтения, соискатель показывает, что в каждом из анализируемых рассказов формируется *антропонимическое пространство*, которое обладает особым «структурно-семантическим потенциалом», реализующимся а) во внешности героини, б) в окружающем пространстве как неотъемлемом компоненте художественного мира произведения, в) в центробежном или центростремительном движении сюжета, как бы пронизанного смысловыми излучениями имени.

«Антропонимическое пространство, - пишет диссертантка, - реализуется системно, становясь инвариантом художественного мира, задавая не только специфику хронотопа, но и логику развития сюжета, отношений и судеб героев» (с.47).

Аргументация этого тезиса развернута в первой и во второй главах диссертации. Автор, исследуя этимологические корни имен своих героинь, доказывает, что семантика и этимология имен *Натали, Музы, Тани, Руси* (в одноименных рассказах) и характер их носительниц неразрывно связаны. В литературно-ономастической практике известны различные виды характеристики персонажа с помощью имени собственного. Чаще всего характерологическую функцию выполняют так называемые «говорящие имена». Диссертантка показывает более тонкие способы характеристики персонажа посредством имени.

Так, с помощью этимологических изысканий, автор работы доказывает, что греческие и латинские корни имен героинь реализовываются в структуре художественного повествования, становясь то нарративным вектором, то подтекстовым фоном повествования, то подсознательной (психоаналитической) моделью их рецептивного восприятия. Тхьюнг демонстрирует (особенно убедительно и ярко в ходе анализа рассказа «Натали»), как в тексте «работают» звуковые особенности имени; каков механизм образования символических референций, различного рода аллюзий и ассоциаций, как реально-биографических (ср., например, параллель имени героини Бунина с именем жены Пушкина), так и литературных. Причем тождество имен продуцирует и их портретное сходство или духовное родство. Так, сакрализованный – в восприятии героя - портрет Натали-вдовы удачно сопоставляется с портретом Наталии Николаевны Гончаровой в стихотворении Пушкина «Мадонна», а антропонимическая семантика имени Таня в одноименном бунинском рассказе соотнесена с ономастическим ореолом знаменитой героини пушкинского «романа в стихах». Кстати сказать, литературные ассоциации можно было бы продолжить: ведь пара *Наташа* и *Соня* повторяется и в романе Льва Толстого «Война и мир», интересно проследить, нет ли здесь и портретно-психологических параллелей?

Не менее убедительно в диссертации разработан мифологический аспект имени – не только в апелляции к мифологическому дискурсу античности – при анализе образов Музы и Антигоны (здесь автор как раз настаивает на контрапунктном взаимодействии имен с античным канонem), но, главным образом, при анализе семантического поля имени Руся.

Соискатель ученой степени убедительно показывает, что антропонимическое пространство рассказа «Руся» – это «пространство мифа», а именно: ностальгического «мифа о России», сложившегося в сознании Бунина. Анализ этого рассказа – несомненная творческая удача диссертантки! Она показывает, что имя становится своего рода семантическим фокусом, вбирающим в себя и портрет героини, и ее желтый сарафан и крестьянские чунки (и здесь автор смело полемизирует с авторитетными учеными-буниноведами, видевшими в костюме героини лишь признак ее крайней бедности), и неброский среднерусский пейзаж (с озерцами, лесами, туманами и журавлями), который в пространстве рассказа становится как бы подтекстовым фоном имени, и нарративные отсылки к ритуалам дохристианской, языческой Руси (в частности, ночное купание Руси, как справедливо заметила Тхыонг, отсылает к купальским обрядам и славянским «русалиям»). Сам звук имени, его фонемо-семантический ореол, паронимическая связь с Русью, русалкой, даже такая портретная деталь, как обилие родинок на теле Руси, – все это в совокупности объединялось, доказывает аспирантка, в символ навсегда утраченной писателем России, его благословенной родины, о которой он мог только вспоминать и тосковать.

Творческих удач в 1 и 2 главах множество. Среди них особенно значимыми представляются также аналитические пассажи, касающиеся «поэтики грамматики» имен («Зойка и Валерия»), национальных коннотаций именных форм (Наталия – русская огласовка, Натали – французская). Особенно интересным представляется наблюдение о магии имени, которую автор диссертации усматривает в корреляции имени и судьбы. Так, факт изменения имени, полагает Нгуен Тхи Тхыонг, данного героине при крещении, наречение ее чужим именем непременно приводит к искажению ее судьбы...

Не менее значимы и суждения, касающиеся типологических обобщений антропонимической семантики в «Темных аллеях», когда автор диссертации, скрупулезно анализируя каждую из четырех бунинских новелл, обращается также и к другим произведениям сборника, имеющим антропоним в своем заголовочном комплексе («Степа», «Зойка и Валерия», «Генрих»). Исследовательница приходит к выводу, что имена, находясь в сильной позиции (в статусе заглавий), вступают между собой в «синонимические и антонимические связи», иницируя определенную сюжетную типологию и «определенный тип характера» (с. 83). Таким образом, вьетнамская исследовательница обнаружила, что имя обладает не только характерологической, сюжетогенной, хронотопической и мифопоэтической функциями, но что именная парадигма в пространстве

всего сборника является одной из его циклообразующих «скреп», позволяющих интерпретировать «Темные аллеи» как метациклическую целостность.

В смысловую структуру работы органично вписывается 3-я глава, посвященная «обретениям и потерям» перевода рассказа «Натали» на вьетнамский язык. Значимость этого раздела работы, прежде всего, в его научной информативности: впервые в столь полном объеме дан обзор работ о Бунине во Вьетнаме и не менее обстоятельно дан анализ его переводческой рефлексии. Тот факт, что автор подробно останавливается только на переводе одного рассказа – скорее достоинство, нежели недостаток. Поскольку избранный ракурс работы обуславливает обращение именно к специфике перевода *антропонимического пространства*, то переводческие принципы, продемонстрированные на одном тексте, могут быть экстраполированы и на переводы других произведений Бунина.

В этом разделе диссертации также обращает на себя внимание ряд интереснейших исследовательских микросюжетов, развязка которых обобщена в финале главы. Скрупулезно сопоставив оригинал и вьетнамский перевод, Тхыонг приходит к выводу, что между русским оригиналом и переводом всегда существует семантический зазор, который она объясняет не столько недостаточной квалификацией переводчика (хотя моменты, связанные с его неумением или невнимательностью, она тоже отмечает), сколько самой лексической, синтаксической и ментальной структурой вьетнамского языка, возможности которого не всегда позволяют адекватно передать всю смысловую многомерность и нюансировку бунинских текстов, включая авторскую интенцию, скрывающуюся за именем героини. Однако при чтении этой главы поражает, насколько точно и тонко сама диссертантка эти нюансы бунинских текстов чувствует и понимает. Думается, это объясняется тем, что она в достаточной мере постигла не только язык, но культуру и историю нашего народа.

И это внушает надежду, что ее диссертация послужит **методологическим** алгоритмом для будущих переводчиков произведений Бунина, а может быть, не только его одного... В этом мне видится реальная **теоретическая и практическая ценность** работы.

Сколько-нибудь серьезных просчетов и неточностей автора я не вижу, но по долгу оппонента некоторые моменты все же отмечу.

Выстраивая этимологическую парадигму имен, послуживших заглавием рассказов сборника «Темные аллеи», было бы желательно ее продолжить, используя женские имена, фигурирующие в заглавиях, но, к сожалению, оставшиеся на периферии исследовательского внимания. И тогда

тут, возможно, могли бы быть обнаружены новые ономастические парадоксы и параллели. Так *Галина* (героиня рассказа «Гая Ганская») в переводе с древнегреческого означает «спокойствие» (Γαλίνη), однако ее характерологическая суть – прямая противоположность значению имени. *Зойка* и *Валерия* в этимологическом плане – не антонимичны (как полагает автор, ориентируясь на грамматическую форму имен), а, скорее, синонимичны: как известно Зоя (Ζωή) – в переводе с древнегреческого – жизнь, а Валерия (от латинского *valere* – быть здоровым) – сильная, здоровая (кстати сказать, с этими именами корреспондирует и имя героя «Натали»: Виталий – от латинского *vita* - жизнь).

Другие мои замечания сугубо частные.

Первое значение имени Наталия в переводе с латинского (от *natalis*) – не *родная* (это уже производное и несколько произвольное значение), а имеющая отношение как к роду, так и (главным образом) к рождению (отсюда рождественские коннотации, на которые далее указывает диссертантка). Есть перевод «природная». Мне кажется, что комплекс этих значений в первую очередь реализуется в антропонимическом пространстве рассказа и особенно показательно проявляется в его сюжетном завершении: ведь героиня умерла при родах. (Впрочем, это не столько замечание, сколько дополнение к интересным и результативным этимологическим поискам исследовательницы).

Далее. При портретном описании Валерии Нгуен Тхи Тхыонг полагает, что этот портрет дан через Зойкино восприятие - так же, как и в рассказе «Натали» портрет Натали дан в восприятии Сони (с. 35). Но это не так: описание Валерии («*Но и без малороссийского наряда она была очень хороша: крепкая, ладная, с густыми темными волосами, с бархатными бровями, почти сросшимися, с грозными глазами цвета черной крови, с горячим темным румянцем на загорелом лице, с ярким блеском зубов и полными вишневыми губами...*») дается от лица героя-рассказчика (см.: Бунин И. СС: В 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 82).

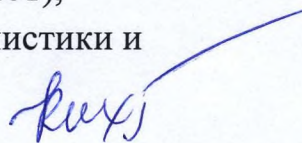
И наконец, для меня остался не вполне проясненным вопрос: учитывала ли диссертантка при анализе перевода рассказа «Натали» на вьетнамский язык, изменение значения бунинского лексикона по сравнению с современным русским языком. К примеру, Бунин, рисуя портрет Натали, использует такую лейтмотивную деталь одежды, как *распашонка*. По разумению диссертантки, эта деталь «символизирует... юность, невинность, нетронутую красоту» Натали (с. 37), хотя в 19 веке *распашонкой* называли распашной сарафан – вид женской, повседневной одежды (В. Даль, М., 1998. Т.3. Стлб. 1610).

В целом же достоинства рецензируемой диссертации очевидны и незаурядны. Важно отметить, что работа написана ясно и четко, она полностью свободна от модной ныне терминологической усложненности. Автореферат в полной мере отвечает тексту и смыслу диссертации, хотя и не исчерпывает ее содержания. Причина тому - смысловая емкость рецензируемой работы в сочетании с ограниченностью объема, требуемого от реферата. Опубликованные работы отражают основные положения и результаты исследования. Таким образом, рецензируемая научно-квалификационная работа является *глубоко оригинальным, теоретически и практически значимым исследованием, в котором поставлены и успешно решены задачи, имеющие существенное значение для филологической науки и российской (а также и вьетнамской) культуры.*

Общий вывод: диссертация «Антропонимическая семантика в цикле рассказов И.А. Бунина «Тёмные аллеи»: художественные функции и проблема перевода» **соответствует** п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Нгуен Тхи Тхыонг, **заслуживает** присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

30.05.2016

Доктор филологических наук (10.01.01),
профессор кафедры истории журналистики и
литературы ОЧУ ВО «Институт
международного права и
экономики им. А.С. Грибоедова»

Любовь Геннадьевна Кихней

111024, Москва,
шоссе Энтузиастов, д.21.
E-mail: cra@adm.iile.ru
Раб. тел.: 8-495-673-74-19

